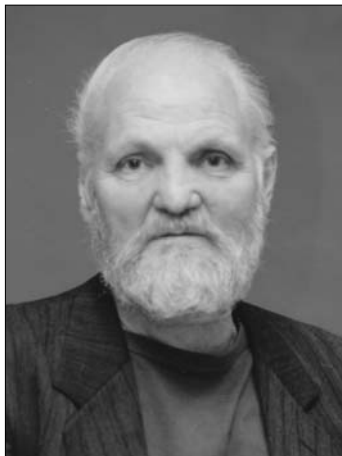

ВЛАДИМИР КРУПИН

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ

РАССКАЗЫ

Первым, кого я встретил, ступив на поле Полтавской битвы, был священник. Мысль мгновенно мелькнула: как хорошо в таком святом месте первым делом получить благословение, и я рванулся к нему, привычно складывая ладони. И тут же меня отшатнуло — а вдруг он филаретовец. Но уже и батюшка делал шаг навстречу. Все-таки я спросил:

— Благословите, батюшка. А, вынужден спросить, какой вы юрисдикции?

— Той, что надо, — отвечал он, крестя меня и приветливо улыбаясь.

Надо ли говорить, что украинский раскол, начатый митрополитом Филаретом, явление не только религиозное, но и нравственное и даже политическое. Не будь его, разве б мыслимы были такие щиты с портретом изменника и надписями на них: “Мазепа — перемога украиньской державы”? А плакаты были размером, как щиты с рекламой пива.

Жовтно-блакитные знамена подавляли все остальные. На втором месте были шведские, на третьем российское трехцветие. Жупаны и папахи, длинные усы и лихие оселедцы, красные просторные шаровары, сапоги гармошкой — все раньше казалось бы каким-то костюмированным праздником.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живет в Москве.

В общем-то это и был праздник, и великий праздник — 300-летие Полтавской битвы, но сразу было понятно, что хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирою Украйны присвоили его полностью себе. Да еще поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшняя Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и ее прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей. Дюжие парубки, конечно, были ряжеными, но были не актерами тут, а заправилами. Они тут были хозяева. Нас, российскую делегацию, не то чтобы зажимали, нет, ставили в первые ряды, но как-то постоянно давали почувствовать, что мы здесь гости. Но хлеб-соль была так хороша, так красивы дивчины в венках, лентах и монистах, что это перебарывало горечь. Гремела бравая музыка, но почему-то эстрадная, а не марш Преображенского полка, который напоминал бы о погибших здесь русских воинах.

Все теперь умные, и некому сказать, что нет уже никакого толку от перемывания истлевших царских костей, особенно Петра I. Все власти черно-белые. То есть полный злодей — это сам сатана, а прислужникам своим он даёт возможность для обольщения людей свершать еще и добрые дела. Ирод избил младенцев, но течёт доселе водопровод Ирода, тот же Мазепа и храмы строил. Взять Берюю — о беспризорниках заботился. Все это к слову. Петр — явление, как и Сталин, промыслительное, и не нам, земнородным, понять их всецело. Достаточно сказать: “Бог всем судья”.

Так вот, Полтавская битва — может быть, да и не может быть, а точно — главное свершение Петра. Здесь уместнее прибегнуть к цитатам из работ, вышедших в свое время к 200-летию Полтавской битвы. Победа в ней покончила с хозяином Европы Карлом XII, переменяла западный взгляд на нас, русских.

Далее выписка из книги “Храм во имя Сампсония Странноприимца на поле Полтавской битвы”, издание 1895 г., Полтава: “Все теперь должны были переменить свой взгляд на “варварскую Московию”, на ее царя гордые соседи стали смотреть с почтением, дорожили его дружбой и не смели оскорблять русского флага, который стал развеваться на водах Балтийских... Народ стал доверчивее относиться с своему Государю, примирился со всем, что раньше казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, видя в нем причину недавней славы и необходимое условие будущего величия. Не забудем, наконец, и еще одного весьма важного последствия бранного дела под Полтавой. Ведь всего полвека прошло с тех пор, как Богдан Хмельницкий вырвал многострадальную Малороссию из рук Польши и присоединил ее к единой Москве. Значит, не успела еще Польша забыть этой потери и поджидала только удобного случая, чтобы возвратить утерянное. Пройрай мы сражение под Полтавой, тогда бы не отстоять юго-западной России своей независимости, и воротились бы к ней те страшные времена унии, когда святые места наши отдавались в аренду жидам, и храмы православные запечатывались, и имения церковные отбирались в пользу католического духовенства и прочее. Теперь же Польша не смела спорить с Петром; обессиленная еще раньше теми же шведами, она навсегда похоронила свои надежды на Малороссию... Полтавская победа принесла нам великие блага: она сразу и, даст Бог, навсегда сделала Россию могущественнейшим государством мира, государством единым и нераздельным. Недаром благодарные потомки назвали эту победу Русским Воскресением”.

И я, благодарный потомок, шел по полю битвы, оглушаемый орудиями динамиками, бодрыми криками увеселителей, и все пытался понять, почему мы, славяне, так легко сдали врагам славянства главное — наше братство? Как смогли украинофилы вбить в умы дикую мысль об украинской национальности? Это же, как и русские, народность одной семьи. Причем всегда самостоятельная. Еще с Алексея Михайловича малороссам давался свобода сношения с внешними соседями и государствами, исключая поляков и турок.

В самом слове “малороссы” только упертый ум увидит нечто обидное для украинцев. Не украинцы малые, они не меньше любых других, а Украина —

малая родина русского славянства. Малая родина — это самое дорогое для человека, любящего свое отечество. Малая, то есть та, где ты родился, мучал, любил, откуда уходил в мир. Мать городов Киев, Крещатик — это навсегда для нас Малая Русь, давшая жизнь Руси Великой, крестившая и Белую Русь; это ли не самое почетное в семье славян? А уж для меня-то тем более: Киев — город моего небесного покровителя святого Владимира.

В армии я служил с хлопцами из Украины. Были там и левобережные, и правобережные, западэнцы. Доть, Аргута, Коротун, Титюра, Балора, Муха, Тарануха, Поцепух, Пинчук, Падалко, Гончар... Где вы, теперь уже седые, друзья-однополчане? Что нам было делить и тогда и что делить сейчас? Я как любил вас, так и люблю. Ну да, звали вы меня москалем, и что? Какая тут обида, вы и сами хохлы. Хоть и кацапом зовите, меня не убудет. Своя же семья. И кто сейчас обижается на всякие прозвища? Макаронники итальянцы, лягушатники французы? Смешно. Смешно же вам было, когда москали не могли правильно выговорить, по вашему мнению, слово “палышня”, тут вы чувствовали превосходство, но и это смешно.

Между тем радио на четырех языках: русском, шведском, английском, украинском пригласило делегации к возложению венков на могилу павших воинов. Идем. Нам раздали по две розы. Впереди всех, конечно, по праву, военные. Очередь медленная и огромная. Несем привезенный увесистый венок — дар Москвы. Но идти благоговейно не получается. По крайней мере у меня. Пристал спутник, непрерывно говорящий, киевский пишущий человек, шутник. Представился: Олесь. “Коротич — така дуже невеличка персона, а наделал диллов, да? А слышали шутку: “Вы нам Чернобыль, мы вам Коротича”?

Он сильно моложе меня, поэтому я особо с ним не церемонюсь:

— А тоби не будет выволочка за то, что с москалем размовляешь?

— Та ни, — радується он разговору. — Вся Украина за союз с Россией.

— Но есть же и заюленная Украина.

— То запад заполяченый.

— Помнишь присказку советских времен, — говорю я, — “москаль на Украине, хохол на Сахалине”? Конечно, все ее знали. Что же хохлы Сахалина, Сибири, центра России не возвращаются на незалежно, незаможню, самостийну? Потому что им и там лучше всех. Украинцы у нас везде, и везде в начальстве. По Сибири, по нефтяным местам, может, только пока банки у евреев не отняли. Думаю, временно. Есть же пословица: “Где хохол прошел, там трем евреям делать нечего”. Говорю с гордостью за украинцев. Нас-то евреи переевреили, телевизор посмотри — убедишься.

Спутник мой смеется, и вскоре его растворяет толпа.

Могила — высокий рукотворный курган рядом с церковью. На вершине большой гранитный Крест, водруженный в 1894 году при Александре III, и возобновленная им надпись, сделанная собственноручно Петром I после захоронения убитых: “Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога-Слова 1709, июня 27 дня”. 1345 человек погребено под крестом. Тогда же Петр особым указом выразил пожелание “в память сей преславной виктории” построить на поле битвы мужской Петро-Павловский монастырь с приделом в честь Сампсония Странноприимца. Почему Петро-Павловский? Потому что император хотел вступить в бой в день Петра и Павла, но обстоятельство вынудили начать битву на два дня раньше, в день святого Сампсония.

Но очень не скоро исполнились царские предназначения. Лишь в конце XIX века был освящен храм на исторической земле. К юбилею усилиями православных Украины и при помощи посольства России в Украине храм отремонтирован, виден отовсюду, прямо сияет, очень красиво сочетаются белые стены и голубые наличники, зеленая крыша и центральный золотой купол.

Идем к нему. По расписанию торжеств сейчас Литургия. Служат несколько архиереев и несколько десятков священников.

— Церковь Московского Патриархата, — с гордостью говорит старуха в белом, обшитом по краям кружевами платочке. — Иди, брат, за мной. —

Она тут своя. Проводит меня поближе к певчим, к амвону. Хоров два, оба необычайно молитвенные и слаженные.

Храм просторный, весь переполненный нарядными людьми. Центральный образ — Христос, раскрывший объятия, но еще не на Кресте. У ног Его ангел, подающий Ему чашу. “Отче наш” и “Символ веры” гремят мощно и единоустно. Еще бы — запевалы такие голосистые, рослые дьяконы. Проповедь на украинском наречии вперемежку с русским.

— Через триста лет откликнулись души воинов, услышались нами их голоса.

Крестный ход. Колокола. Сквозь них слышится радио, дикторы читают приготовленный текст: “Прапори России, прапори Швеции та Украины”.

Нас направляют к так называемой “Ротонде примирения”. Сказал я “к так называемой” специально, ибо так ее называют и так написано, к моему недоумению, в программе. Почему не часовня? Да вот и она. Да, часовней эту садовую беседку не назовешь. Ладно, хай будэ ротонда. Три опоры символизируют что? Нет, не Святую Троицу, а три государства: Россию, Украину, Швецию. Ударил гимн, вначале российский. Так по алфавиту. Украинскому гимну подпевали, но мало. “И покажем, шо мы браття козацького роду”. Шведский гимн был без слов, но рядом стоящий высокий седой старик сорвал с головы шляпу (а до того был в ней) и во все горло запел. Значит, швед.

Но освящающий ротонду архиерей называет ее часовней.

— Освяченна часовня полеглих воинов.

Ветер хозяйничает в микрофоне, шатает древки флагов и знамен, трещит полотнищами. На ротонде на трех языках написано: “Время лечит раны”. Лечит, да, но наносит новые, вот печаль.

— Шановна громада, — меж тем говорят ведущие, — ласкаво просимо!

Дают слово приехавшим гостям и хозяевам. Открывая, один из хозяев: “Пусть Полтавское поле будет полем туризма, и на нем мы найдем новых друзей”. Посол Швеции напомнил о величии Швеции и сказал интересную фразу, что благодаря Полтавской битве Швеция обрела теперешние границы и живет в мире с соседями и “с самой собой”. Далее о сотрудничестве, инвестициях, далее о том, что “битва помогла шведам обрести историческую родину”. Надо же. Я записал. И еще: “Нельзя допустить истории править балом”. Может, эта молодая переводчица неточна? Кто ж тогда правит балом, как не история? Только вот кто ей подчинился, Карл XII или она Карлу? Петр-то был вынужден биться за Россию и сохранил ее в истории, а Швеции что тут было делать? Зря им Петр шпаги вернул. Они снова здесь. И уже учат разврату, по образцу шведских семей.

Это я сердито сказал товарищу по делегации. Он примирительно коснулся моего плеча:

— Не кипятись, надо быть политкорректным.

— Политкорректность — это трусость, — не уступал я. — Политкорректность приводит к тому, что политики запускают болезнь до того, что лечит ее народ своей кровью.

Программа дня продвигалась далее. Представительница Украины сильно хвалила Мазепу. “Дал шанс Украине”. О так от. Еще же ж у них и Петлюра, и Бандера, много героев. Они на портретах не стареют. Стабильность. Предательство нынешних властей опирается на предателей в истории.

Узнал, во сколько собираться перед обедом, и пошел по полю. Сотни и сотни автобусов, тысячи и тысячи машин. Обилие флагов, пестрота эмблем на них: и солнце с человеческим лицом, и трезубцы. Нарядные люди отовсюду. Нет, есть, есть сегодня ощущение праздника единения славян, есть. Был свидетелем встречи двух отрядов казачества. Шли они друг другу навстречу. Одни шли к ротонде, другие от нее. И первые грянули: “Любо, терцы!” И вторые в ответ еще громче: “Любо, донцы!” Вот это любо так любо. А ведь были в истории казачества такие раздриа, непримиримость такая, что и вспоминать не хочется. И не надо. Забыть их и жить дальше.

Две дивчиноньки, пичужки такие, торгуют под полотняным навесом водой, пивом и мороженым и зовут:

— Диду, ходи до нас. Диду, вы с Москвы? Так в вас же кризис, визьмить, — протягивает мороженое, — то бескоштовно. И русские рубли берем. По курсу. А долларив нема?

— Та вин же ще не диду, — говорит другая, — вин ще дядько.

Обе такие веселые, молодехонькие хохотушки. Говорю:

— Все-таки Мазепа предатель. Это не мое мнение, это историческая правда. А вы как розумиете?

— Та нам-то шо? — отвечают они и хохочут.

Тут налетел такой порыв ветра, что повалил навес, девчаткам стало не до меня. Помог им и стал возвращаться к церкви. Навстречу большая группа молодежи. Несут соломенное высокое чучело. На его желтой груди плакат “Мазепа — Иуда”. К нему привешен картонный кружок с надписью “30 гривен”. К молодежи подсакивает милиция, требует уйти. “Гэть вид-сила!”. Насильно заворачивают. Милиции помогают подскочившие парубки в национальных кафтанах. Начинается даже драка, но уже зажигалками подпалили снизу чучело. Солома трещит, пылает.

У меня звенит колокольчик мобильного. “Ты где?” — “Где я могу быть? На поле”. — “Тут везде поле. Где именно?” Я оглянулся — недалеко остановка автобусов. “Я у зупинки”. — “Какой?” — “Сейчас прочту. “Институт свинарства”. — “Выдумал?”. — “Иди и сам смотри”. — “Скоро обед”.

Меня останавливает старик моих лет, украинец в рубашке-вышиванке. Я почему-то радостно подумал: не сослуживец ли? Пожал протянутую руку:

— Вы в 60-м — 63-м не служили в ракетной артиллерии в Подмоскowie, в Кубинке?

— Там не. — И весело говорит, видимо, уже не раз прозвучавшую от него шутку: — Служил в засадном полку украинского вийска в Полтавской битве. Було його не треба, отседлся. Вы туточки впервой? Показать вам памятник хороший полковнику Келину?

— Конечно!

Мы идем и вскоре стоим у памятника герою. Келин удерживал крепость Полтавы против шведов, когда превосходство их в численности было в несколько раз против русских.

— Эй, Полтава! — раздается крик из толпы на площадке среди зелени. — Эй, Полтава! Посвистим, покричим, побрякаем! Диджей, вдарь!

На земле растелен огромный лист линолеума. На него поочередно высказывают хлопцы в широченных штанах, майках с иностранными надписями, ловко, под музыку, пляшут, крутятся, скачут. Вдруг начинают выделять невообразимое: вращаются на животе, на спине, на голове даже. Руки летают как пропеллер, ну орлы! Загляделся и потерял провожатого. Да уже и пора к своим. Обедать, на конференцию и на аэродром. Лететь до дому, до хаты. Еще замечаю на парковой скамье крупные буквы: “Тут была группа “Ниочем”. Тена и Максим”. Хотелось и просто походить по улицам, и в магазины зайти, но время поджимало. Только вывески и достались. “Женочи та чоловічи чохи та панчохи. Одяг”. То есть женская и мужская одежда. Плакат против “кишковых захворюваний”.

Обед замечательный, украинский. Борщ, сало, пампушки, галушки. Так и вспоминается гоголевский Пацюк и песенный казак Грицько, который “любил соби дивчину тай с сиром пироги”, потом, когда надо было сделать выбор, то заплакал и сказал: “Вы, кляты вороги, визмить соби дивчину, виддайте пироги”. То есть дороже дивчины они оказались для Грицько.

А по дороге на конференцию опять утренний спутник Олеся хочет знать причины нашей теперешней размолвки.

— Знаешь, кто вас сделал несчастными? Подожди, не возражай. Конечно, несчастные! Как это — славяне и вдруг бежать из семьи славян? А дуракам бросать листовки: “Москаль зыл твое сало, москаль истопил твой уголь”. Шушкевичи, Кравчуки, Ющенко, они — слабовольные жертвы, главная вина на католиках и протестантах. Да еще Тарас Шевченко. Его искалечили поляки и пьянство. Попал в Польшу совсем молоденьким за два года до польского восстания 1831 года. Вся Варшава была пропитана ненавистью к Москве, заразился. Какой ужас в “Кобзаре”, сколько ненависти

к царю, Богу, России. Церковь православная как прыщ, это что? Призыв девственниц к блуду, издевательство над всем святым, призывает “явленными” иконами “пич топити”, церковные одеяния “на онучи драти”, от кадил “люльки закуряти”, кропилами “хату вымитати”, это что? Сколько пошлости и сальности в его виршах! Олесь, “погани мы москали”, по его слову, или братья по крови Христовой?

— Розумію, шо мы всегда будемо рукопожатными.

— Еще бы. Куда вы без нас? НАТО вас защитит? Или Москва? Давай ще пидемо зараз до поля. — Я даже неожиданно для себя постоянно вворачивал в свои слова украинизмы. — Ты же знаешь историю. Почему же у вас такие политики? Сказали на Переяславской Раде: “Волим под царя Московского”, что еще? Народ волил! А политики? Умер Богдан, тут Выговский, волит противу Москвы. Пришел Юрий, сын Богдана, волит под Москву. Деление на право- и левобережные Украины. И опять политики мутят воды дружбы: и правобережный Дорошенко и левобережный Брюховецкий отдаются султану, волят под него. Когда хоть вы, бедные, вздохнете? Мало вам, что президент выписывает за народные деньги певца-педераста и ставит с собою на трибуну над Крещатиком? Или и этим чаша не полна? Или этим развратником в виде Сердючки. Дикость же! Это “сестра” наших пошлых “бабенок” из “Аншлага”. То так?

— Но Тарасе? — растерянно спросил Олесь.

— Убрали бы его памятник из Москвы, я бы недолго переживал. Многие ли заметили, что ельцинисты стреляли из танков по Верховному совету именно от гостиницы “Украина”, от памятника Шевченко? А на его бы месте поставить памятник дружбы народов наших.

— Какой?

— Сделать опрос мнений. Там берег Москвы-реки. Я бы предложил так: “Нэсе Галя воду, коромысло гнэця, а за ней Иванко як барвинок вьэця”, а? О, как я помню украинку Галинку. Мы в армии ехали, в Шахтах стояли, разрешили выйти на десять минут. Десять минут, а память на всю жизнь. Галя. Вынесла с бабушкой на станцию вишни. Боже мий, яка ж хороша та Галя была. Потом так впоминал! “Ты така хороша, дай хоч подывиця!” У меня брат после института в Шахтах работал, все к нему хотел поехать, но уже женатый был. Да, Галя. Узнал, что Галя, ей бабка говорит: “Гало, швидче накладай”. Они вишни в бумажных кулках продавали. Тут парни из вагонов подвалили, на нее обрушились с комплиментами, но я-то знал, что она меня заметила. Да, так вот, Олесь. Меня жгло, взглянуть боялся. И она застеснялась.

Вскоре началась и конференция. Для начала наградили нашего посла, видимо, за вложенные в подготовку юбилея русские деньги. Потом пошли речи. Конечно, наши первенствовали, украинцы осторожничали. Как осуждать? Мы улетим, а им тут жить. Испытанные бойцы Валерий Ганичев, Сергей Глазьев, Александр Крутов, Леонид Ивашов говорили ясно, четко, доказательно. Выступления их при желании легко найти в интернете. Смысл: нам не жить друг без друга. И дело не в газовой проблеме, дело в братстве.

Мы крепко запаздывали к самолету. Но так как он шел не по расписанию, был чартерный, то есть купленный, то летчики и не сердились. На аэродроме даже дали двадцать минут на отдых. Я этим воспользовался и отошел подалее от аэродромных огней. Хотя и лето, а уже смеркалось, и луна без опоздания выходила обозреть свои владения. Еще немного сохранилось в Полтаве тех мазанок, которые освещала вот эта же луна, что и сейчас, и трепетали все те же “серебристых тополей листы”. То есть не те, такие же. “Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не в силах воздух, чуть трепещут серебристых тополей листы...” и так далее до “Ликует Петр, и горд, и ясен...”. Тут его выносил в центр истории “ретив и смирен верный конь”. Тут “Карла приводил желанный бой в недоуменье”. Отсюда утаскивали носилки с ним в безславие, отсюда бежал предатель Мазепа. Здесь сошла с ума соблазненная им крестница Мария, дочь оклеветанного Мазепой полковника Кочубея. Тут скакал всадник с зашитым в шапку доносом от Мазепы Петру...

И вот — граница меж нами, какая дикость! А как отец мой пел украинские песни! И как мы браво топали в армии под “Маруся, раз, два, три, калина, кудрявая дивчина в саду ягоду рвала”. А эта, известная во всех краях: “Было дело под Полтавой, дело славное, друзья”. И уж что говорить о пословице, употреблявшейся повсеместно, как знак поражения: “Погиб, как швед под Полтавой”.

И что? И опять гибнем, как шведы под Полтавой? А? Да ничего. Славянская семья все равно останется семьей. Мы, славянские народы — все равно братья. Ну, а как же политики? А политики тогда заслужат благодарную память в потомстве, когда будут слушать народ.

ХОЛОДНЫЙ КАМЕНЬ

Девочки Вика, Оксана и Маша были подружки. Они после школы не сразу шли домой, а вначале заходили на детскую площадку. Чаще только Вика и Оксана, потому что Маша всегда торопилась, у неё были младшие брат и сестра, и она с ними нянчилась. Сегодня опять не смогла пойти с подружками, и они остались вдвоём. Сидели на скамейке и разговаривали о прочитанном рассказе Гайдара “Горячий камень”.

— Молодец этот Ивашка, — говорила Оксана, — весь измучился, перемалался, а закатил камень.

— Прямо как Сизиф, — поддержала Вика. — Помнишь “Мифы древней Греции”?

— Нет, — не согласилась Оксана, — Сизифа боги наказали и не давали камень закатывать, а тут Ивашка ради старика-сторожа старался. Только сторож не захотел. Пожалел своей жизни. Есть что вспомнить: в тюрьме сидел, царя свергал, церкви разрушал.

— Да-да, — сказала Вика, — Вот только плохо, что этот писатель-рассказчик курил. Прямо от волшебного камня прикурил. Курить плохо. Мальчишки за школой курят некоторые. Витька Семёнов курит. Так вот! Прямо желтый. На физре два раза не мог подтянуться. Так-то он очень смешной. Помнишь, англичанку передразнил? Мы укатывались.

— Передразнивать нехорошо, — строго заметила Оксана.

— Зато смешно.

— Чего ты всё про Витьку? Витька, Витька. Влюбились?

— Ещё чего!

— Он все равно не за тобой, а за мной бегаёт, — сказала Оксана. — И за косу дёргает, и в столовой говорит: давай тарелку отнесу.

— Да и пожалуйста! Меня тоже дёргал.

— У тебя и косы-то нет.

— Но волосы-то есть, есть за что ухватиться. — Вика помахала хвостиком волос.

— А тарелку относил? — спросила Оксана. — Нет? А сотовый номер давал?

— Мало ли что, — не сдавалась Вика. — Сотовый! Он у меня математику списывает. Вот! — И добавила: — Мне бабушка говорит: твой дедушка был такой хулиган. Я говорю: бабушка, дедушка же такой хороший. Она говорит: это я его воспитала. Поняла намёк? Я так же Витьку воспитаю.

— Три ха-ха, — ответила Оксана. — А знаешь что, Вик? Давай, знаешь что? Устроим ему программу “Розыгрыш”. На пустыре горы песка, что-то строить хотят. А рядом камни завезли. Давай один закатим, потом позовём Витьку, скажем: разбей камень, и курить больше не будешь.

— Камни же не горячие.

— И что? Нам главное, чтоб Витька поверил, что камень волшебный. А? Тут им стало очень смешно, и они вдоволь похохотали. А потом и в самом деле пошли на пустырь. Но вначале позвонили Витьке и велели ему придти на пустырь с молотком.

— Так надо. Потом узнаешь... Да, мы все тут. Пока. Придёт, — сказала она Вике.

Стали выбирать камень. Ох, тяжёлые. И себя жалко, тащить тяжело, и Витьку жалко. Выбрали поменьше. Втащили на холм.

Витька пришел. И пришел в самом деле с молотком. Подруги сказали ему, что надо разбить камень, и тогда Витька будет сильнее всех мальчишек в классе. И курить не будет.

— Разбивай. Это как горячий камень.

— Что я, ненормальный, хороший камень ломать? Я и на уроке думал, ни фиги себе — помолодеть, это же опять в детский сад идти. Кабы разбить, да взрослым стать... — Витька огляделся. — А Маша-то где?

— Нячиться пошла, — сердито сказала Оксана. — Она многодетная у нас.

— А вы позвоните ей, пусть выходит. И детей выведет. Я с ними поиграю.

— Не буду я ей звонить, — сердито ответила Оксана.

— И я не буду, вот ещё! — решила Вика.

Тут у них, у обеих, засигналили мобильники. Конечно, пора было идти домой, обедать и делать уроки.

А Витька, оставшись один, потрогал камень, как будто проверял, не горячий ли. Сел на него. Долго собирался позвонить Маше, но так и не осмелился. И камень не стал разбивать. А курить он и так бросит. Что он, дурак, что ли, курить? Он и Маше обещал, что не будет курить.

Витька достал из кармана куртки начатую пачку сигарет, положил её на камень и ударил по ней молотком. Потом ещё и ещё, будто железо ковал. Но камень даже не треснул. Так и ушёл на фундамент будущего дома неразбитым.

ДЕМОКРАТКА АЛИСА И НЕБЛАГОДАРНЫЙ НАРОД

Молодая женщина Алиса — дочка большого начальника, уже и сама большая начальница. Начальницей её сделали друзья папы. Естественно, что Алиса — демократка. Другой судьбы для неё в новой России быть не могло. Ещё бы — прадедушка был ярый большевик, дедушка и папа — передовые коммунисты, так что Алисе на роду было написано стать демократкой. Её послали в отстающую по всем показателям область, дали в подчинение медицину и школы и сказали:

— Конечно, не штат Флорида, но для биографии побудь там. А когда доведёшь медицину и школы до мирового уровня, тогда раздвинем перед тобой новые горизонты.

Начальником в области был тоже молодой человек, но постарше Алисы, и уже закалённый в боях за демократию. Ещё со времён пьяной приватизации научился тасовать в речах мировое, примерное для нас, сообщество, разные инвестиции, новые технологии, знал, что такое ВТО, а что такое ТНК, соображал на нефтяных и газовых трубах, в ценных бумагах, умел хлопать по плечу, для популярности мог выпить с рабочим пивца, а с интеллигентами говорить о трезвости, вёл здоровый образ жизни, словом, держался курса и подходил как начальник и для области, и для Алисы.

Он, конечно, в любом случае помогал бы ей, но Алиса всё-таки решила стать его любовницей. Для удобства. И стала. При её-то происхождении и красоте, при её-то связях в столице. Но и ему такие отношения были выгодны. Жена у него караулила квартиру в Москве, да и что жена? Ну, наступит ей, он скажет: “Милая, а ты хочешь, чтоб я вместе с тобой сгнил в этой дыре”?

Алиса не отлавливала начальника в рабочее время, зачем? У него и дел много, и светиться часто около него ни к чему. При наличии личных отношений он сам к тебе ночью придёт. Тут и кукуй ему о своих проблемах.

— Какие же всё-таки люди чёрствые, — жаловалась она, запуская кофейный аппарат. — Говорю: так же нельзя, вы же не скотов, людей лечите. Где современное оборудование, где вообще всё? Где европейская аппаратура?

Начальник зевал:

— Ну и что? Закрыла?

— А как же, — всплескивала руками Алиса. — Дикие люди! Говорят: фельдшерский пункт всегда был. И что? “Всегда”! Хватит, говорю, нам этого позорного отставания. Прямо слабо развитая Африка. “А где нам лечиться”? Есть районная больница, пользуйтесь. Ах, говорят, старухи не могут ехать! Говорю: поставьте им компьютер, пусть выходят на специалистов через интернет. Ах, денег нет! Денег у них нет, — говорила она язвительно, садясь с чашечкой кофе на колени к начальнику и давая ему отхлебнуть капельку.

Начальник тоже возмущается:

— Да заколебали они меня все! Самоуправления хотят, берите! И тут же деньги цыганят. Печатного станка у меня нет, сами изворачивайтесь. Не можете — уходите, посажу своего. Не надо больше кофе, давай сухонького, и бай-бай! Утром оппозиция придёт, надо выспаться. Придётся кость бросить. Пару мест добавить. А, с другой стороны, орут, ну и орите. Это же как раз и есть демократия. Сунешь должность, они и заткнутся.

— Да-да, милый. А я снова поеду малокомплектные школы закрывать. Но им же ничего не втолкуешь. Русским языком говорю: нерентабельно! Не въезжают! Детей далеко возить, отрыв от семьи, дорого! А как они хотели? — возмущенно восклицала Алиса, готовясь ко сну. — Зачем рожали? Зачем? Если не могут дать детям достойного образования. Лялик, это же средневековье: в одном помещении четыре класса начальной школы. Дурдом! Я зашла, мне плохо. Печка топится, и сушатся, представляешь, сапоги и валенки. Хорошо, у меня с собой “шанель”. В коридоре понюхала. Ой, думаю, скорее отсюда. А они мне: ах, посмотрите нашу выставку рисунков, ах, мы вам споём, станцуем танцы народов мира. — Алиса грациозно повела голым плечиком: — В деревне, представляешь, печи топят, корова мычит и — танцы народов мира.

— Понравиться хотели, — говорит начальник, зевая и расстегивая рубашку. — И что, закрыла школу?

— А как иначе? Для их же пользы. Нет, ляльчик, очень они благодарные, очень. Говорят: “Мы тут родились, выросли, нам тут всё дорого, у нас тут родина”.

— Будет им дорого, — говорит начальник, стягивая штаны. — Родина! Я убиваюсь для их счастья, я уж сам забыл, где и родился. Не ценят.

— Чёрствые, чёрствые люди достались нам, — воркует Алиса. — Да, вспомнила, там девочка, такая хорошенькая, наедине мне говорит, что учительница ей запретила джинсы в школу носить. И что мама её два раза шлёпнула. Но это вообще уже безпредел. Нет, я оформлю лишение родительских прав, употреблю ювеналку, эту дуру-учительку надо проучить. — Алиса уже вся в розовом пеньюаре. — Ляльчик, — она красиво простирает к нему руки, — а когда к морю? Когда? Ты обеща-ал.

Начальник вновь зевает, разводит руками, мол, не всё от меня зависит.

— Лялик, а почему тебе не дали центральную область, а Геннадия дали?

Начальник хмыкает:

— Он же прямой племянник, а я только двоюродный брат жены. Разница?

— Ну что, гасить свет? — спрашивает Алиса.

— Гаси.

ПАСТУХ И ПАСТУШКА

Откуда взялась собака в деревне, чья она, никто не знал. Бегала по улицам, дети с ней играли. Но они-то поиграют да ужинать пойдут, а собака? Иногда вспомнят, вынесут косточку, но чаще забывают. Начнут телевизор смотреть или в разные игры играть, тут не до собаки. А к зиме и вовсе уедут. Поневоле собаке приходилось заботиться самой о себе. Ловила мышей. Даже кузнечиков, даже ящерок. Украла однажды цыплёнка, её поймал на этом хозяин цыплёнка, загнал в угол двора и избил палкой. Даже думал, что убил. Она уж и не шевелилась. Он выкинул её в овраг. Ночью пошел дождь, и она ожила. Тряслась от холода и боли и тихо скулила. Жалеть её было некому.

Она стала бояться людей. А они прозвали её Ворюгой. Жила на задворках, исхудала, вся была в репьях, кто такую полюбит?

Вообще, людей в деревне оставалось всё меньше. И, тем более, живности. Только немного коров да козы. Пастухом на лето нанимали одинокого старика Арсеню. Он каждый год говорил, что больше не будет пасти, сил нету. И всё-таки каждый год пас. Но нынче твёрдо заявил: “Пастушу последний год. Тут из-за одной Цыганки с ума сойдёшь”. Так звали корову чёрной масти. И характер был у неё кочевой. Всегда норовила убежать. Как раз хозяин этой Цыганки чуть не убил собаку.

После дня Победы Арсеня первый раз выгнал коров и коз на пастбище. Вечером возвращался, а собака стерегла мышей у старого сарая. Увидела Арсеню, поджала хвост и стала боком-боком отходить.

— Не бойся, не съем! — весело сказал Арсеня. Достал из сумки, облупил и бросил ей сваренное вкрутую яйцо.

Ворюга в один заглот съела его. А когда Арсеня отошел, то подскочила и подобрала с земли белые скорлупки, и их схрустела.

— Ого, — сказал Арсеня. Посмотрел в сумку. — На вот ещё хлебушка. Мне уж горбушки не по зубам.

Ворюга мгновенно смолотила чёрствый хлеб. И опять смотрела на Арсеню.

— Да, миленькая, достаётся тебе, — сказал Арсеня. И всю еду, что осталась в сумке, вывалил на траву.

А дальше было вот что. На следующее утро Арсеня пригнал стадо к дальнему лесу. Но только хотел присесть на пенёк да съесть пирожок, как увидел, что чёрная Цыганка прямохонько полетела к зелёной озими.

— Ах ты, ах ты, такая-сякая! — закричал Арсеня, вскочил и побежал её заворотить.

Но разве, с его-то скоростью, догонишь такую резвую. Вдруг из кустов вылетела Ворюга, будто ею выстрелили как снарядом, в три секунды настигла Цыганку, обогнала, смело встала перед коровой и залаяла. Цыганка опешила, выставила рога, но Ворюга так грозно и смело лаяла, что корова, мотнула головой, мол, не буду с тобой связываться, и вернулась в стадо.

— Ну, женщины! — потрясённо и восхищённо говорил вечером Арсеня. — У неё ума больше, чем у меня. Я за целый день барином стал, завтра стульчик с собой возьму и книжку почитать. Главное дело, и коровы привыкли ей подчиняться. Ведь вот даже если они смиренно пасутся, то все равно вокруг стада раза три обежит. То есть: я вас охраняю, кушайте травку на здоровье.

Какая же она Ворюга, я её Пастушкой назвал. Она ж не со зла, а с голдухи цыплёнка употребила. О-о, это золото, а не собака. Я пастух с маленькой буквы, она Пастушка с большой. Да, господа-товарищи, не зря сказано: “Кошку год корми — за день забудет, а собаку день корми — год будет помнить”.

Но в тот день собака в деревню не пошла, осталась ночевать в поле. А рано утром, когда Арсеня вышел из дома, увидел, что она спит у ворот.

— Намучилась вчера, — сказал он. Присел и хотел погладить. И только коснулся грязной шерсти, как собака мгновенно очнулась, отпрыгнула и хотела бежать.

— Куда ты, куда? Я ж тебе завтрак приготовил. Ты ж три таких завтрака вчера заработала. А я уж боялся, не захочешь больше пастушить. —

Он бросил ей лепёшку. — Поешь. Будешь сегодня помогать? Ох, спасибо скажу.

Хлопнул бичом и пошел по улице собирать стадо. Пастушка оставила его, но на пастбище прибежала. Он долго ею занимался, выдирает из шерсти репы, даже клеща вытащил из лапы. Пастушка терпела всё героически. Только, когда он завёл её в воду и стал намылывать, она вырвалась.

— Ну, ничего, не сразу, — сказал Арсения. — Лето долгое, ещё накупаешься.

И ведь напророчил. Лето началось жаркое, коровы постоянно хотели пить. Арсения пас их или около пруда, или около реки. Но, кроме жары, летом для животных наступает ещё одно, очень тяжелое испытание — это гнус: комары, оводы, слепни. Чем жарче, тем они злее. Козы как-то легче переносят нападения кровососущих, а коровы нервничают, лезут в кусты, даже ложатся, чтобы хоть живот, и особенно вымя, не кусали, а более всего спасаются в воде. Зайдут в воду, вода покроет спину, и так им хорошо, что на берег не выгонишь. А выгонять надо: зачем же они пришли на пастбище? Надо есть больше травы, надо давать молоко. Но и отдохнуть от гнуса тоже надо. Хотя и в воде эти великие труженицы продолжают работать — жуют и пережёвывают траву.

Пастушка сама поворачивала стадо к реке или на пруд, разрешала зайти в воду, сама лежала в тени прибрежной ивы и дремала. Но не на оба глаза, в отличие от хозяина, на один, а другим посматривала на подчинённых. Над коровами вились и носились оводы и слепни. Иногда они не рассчитывали траектории полёта и попадали на воду, а с неё не могли взлететь. Жужжали, крутились на поверхности. Но недолго бывали их танцы на воде — снизу выныривали голова и с удовольствием ими питались.

— Э-э! — воскликнул Арсения, увидев такое дело. — Чего ж это я ваньку валяю, расслаживаю? Собака пасёт, меня освобождает от трудов. А зачем? Чтоб я её и себя, и людей рыбой кормил, так, Пастушка?

Собака одобрительно виляла хвостом, шла к берегу, лакала водичку и предупредительно коротко лаяла. Это не действовало. Выгнать коров из воды даже и Арсения раньше не всегда мог. Хлопал бичом, заходил в воду, но коровы отходили подальше. И только когда жара спадала, шли пастись.

Но Пастушка не Арсения. Бросалась в воду, заплывала со стороны реки, лаяла, сердито молотила лапами прямо перед рогатой мордой. Выгоняла одну, плыла к следующей. И добивалась своего — все коровы выходили на берег. Отряхивались и приступали к своему главному делу — ели траву.

Хозяйки сразу заметили прибавку в надоях и нахвалиться пастухом не могли. А он все благодарности относил к Пастушке.

Мало того, он стал ловить рыбу и приносил вечером в деревню. Отдавал хозяйкам по очереди, но денег ни с кого не брал.

— Мы с Пастушкой денег не любим, берём натурой.

Утром хозяйки выносили им половину свежего рыбного пирога. Они с Пастушкой за день его съедали. На пирогах да на молоке Пастушка поздоровела, повеселела. Шерсть стала гладкой, блестящей. В деревне все наперебой старались её погладить, она всем радовалась. Только когда подошёл тот мужчина, владелец цыплёнка, который бил её палкой, она попятилась и коротко зарычала. Он испуганно отошёл. Кстати, именно он держал корову Цыганку. Но и Цыганку Пастушка воспитала окончательно, стала она законопослушной. Мужчине теперь было стыдно, и однажды он через Арсению передал для Пастушки не до конца обглоданные куриные косточки.

— Стыдно мне, конечно, ведь убить мог. Цыплёнок пожалел, все равно б съели.

Но вот с кем не смогла найти общего языка Пастушка, так это с козлом Борькой, вожакom козьего стада. Он всегда был важен, тяжело и с достоинством шагал, а тут вдруг — нате! У его стада появился новый начальник, вернее, начальница. И они её слушаются. Как он ни мекает, они идут туда, куда их гонит Пастушка. Борька исхудал, ел мало. Подолгу стоял, расставив передние ноги и раскачивая рогатую голову. Когда Пастушка лаяла

на него, понуждая передвигаться в общем направлении, он устрашал её рогами, даже бросался. Она на рога не лезла, отпрыгивала. Потом опять лаяла, и всё равно добивалась своего. Тяжело это для козлиного характера. Борька потерял лидерство, ходил уже не в голове стада, а в середине.

А ещё вышел случай, совсем дивный. Пригнали они вечером стадо, а хозяйка одной козы говорит:

— А моя Марютка где? Волки съели?

Пошли Арсения и Пастушка обратно. Долго искали. И ведь нашла Пастушка! Оказывается, коза перебрела мелкий ручей, скрылась в высокой траве и там... родила!

— Вот так серенькие козлики! — весело говорил Арсения, заворачивая в плащ трёх маленьких мокрых козлят. — А ты не ори! — сердито выговаривал он жалобно и испуганно блеющей козе. — Вишь, как вы нынче, все в людей. Рановато бы тебе ещё в мамы, нет, туда же. А хороши, ах, хороши! — любовался он козлятами.

Козлята растут моментально. Вчера он крохотный, на ножках-спичечках, а через неделю прыгает, через две бодаться начинает. Так и эти козлята. Уже вскоре ходили с мамой-козой в общее стадо. А один козлёнок полюбил Пастушку. Он к ней всё время приставал, не давал спокойно лежать, толкал крепнущим лбом в живот. Самое дивное, что Пастушке это нравилось. Как она носилась с этим козлёнком, какие прыжки выделявала, как пряталась, как неожиданно появлялась и сзади, и сбоку, и спереди, прямо концерт!

— Ну, с вами никакого телевизора не надо, — смеялся Арсения. — А ты-то чего не рад? — говорил он козлу. — Небось, сын родной. Радуйся, Борька.

А хозяйка козлёнка, когда Арсения попросил её продать его, сразу заявила:

— Арсенечка, спаситель ты наш, да я его тебе даром дарю.

В тот же вечер Арсения забрал козлёнка в свой двор. Налил в тарелку молока, крошил хлеба, поставил на землю. Интересно, что козлёнок один есть не захотел. Арсения думал — по матери тоскует. Нет, когда к тарелке подошла и Пастушка, они дружно стали ужинать. После еды козлёнок опять набегался, напрыгался, вечером приткнулся к Пастушке и хоть бы что, бай-бай. Стало их трое.

Козлёнок получил очень замысловатое имя Замбор. Почему? Женщины недоумевали, а Арсения объяснял:

— Имя означает: заместитель Борьки, Замбор. И никакой это не Мишка. Тут вам не политика, тут вам жизнь.

О, как иногда долго тянутся летние дни, и как стремительно проходит лето. Вот и осень, вот и кончался пастушеский сезон. Рыба перестала клевать, пошли грибы. Освобождённый Пастушкой от пастьбы, Арсения приносил в деревню и белых грибов и рыжиков.

Однажды он заметил, что Пастушка стала бегать не так резво, как раньше.

— Ты заболела, — спрашивал он её. — Или заленилась? Или уж совсем заважничала, загордилась?

Но оказалось ни то, ни другое, ни третье. Оказалось, что Пастушка ждала щеночков.

— Вот это ты отличилась, — потрясённо говорил Арсения. — Скажи хоть, кто отец? С кого алименты требовать?

Он давно собирался сколотить Пастушке конуру, да всё было некогда. А тут такое дело, уже жильё нужно не только для одинокой собаки, а для целой собачьей семьи. И он сколотил целую будку. Не пожалел хороших досок, щели проконопатил, пол выстелил старой шубой. Конура Пастушке понравилась, но ночевать в неё вечером залез козлёнок.

— Ну, ты весь в папашу, — говорил Арсения.

Весть о том, что Пастушка скоро станет мамой, взволновала деревню. Дети одолели родителей, просили щеночка от Пастушки.

— Записывайтесь в очередь, — шутил Арсения. — А лучше всего побольше домашнего скота заводите. Щенки будут собаками, их Пастушка обучит за стадом ходить. И вообще, нам пора и своего быка выращивать. У кого бычок родится, не вздумайте куда отдавать. Вырастим!

Арсения тоже в это лето не то чтобы помолодел, но прежние болезни или отступились, или замолчали. Когда речь заходила о следующем лете и его заранее просили снова попасть, он отвечал:

— А это уже вопрос не ко мне, это к Пастушке. Она у меня главная, я только помощник. Что скажешь, Пастушка?

Пастушка весело виляла хвостом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОДНИКА

Что говорить о том, что жизнь коротка? Она не просто коротка, она мгновенна. Вчера, вот тут, у этих двух листовниц стояли палатки районного пионерского лагеря, и я, юноша восемнадцати лет, уходящий вскоре в армию, был тут начальником. Вчера. А сегодня те же листовницы, то же небо, та же река. Ничего не изменилось, только пятьдесят лет прошло.

Тогда еще было живым опустевшее здание церкви. По стареющим ступеням мы поднимались на колокольню и глядели во все стороны света. Леса, леса, безкрайние леса. А среди них уходящая от восхода на закат наша любимая река.

Для приготовления пищи, для питья нужна была вода. А с ней-то была проблема. Из реки уже тогда не рекомендовали пить, но не из-за нынешней химии, из-за многочисленных стад коров и лошадей, пасущихся по берегам. Троицкие жители говорили, что под горой, под бывшей церковью, был родник. Мы спускались с крутого обрыва, искали, ковырялись лопатой, но родника не нашли. Носили воду из деревенских колодцев.

Во все годы разлуки с родиной, когда я возвращался, я всегда приезжал в Троицкое, выходил на обрыв. Уже и церкви окончательно не было, уже и село было на последнем издыхании, но сохранил Господь здешние пределы, такие, что восторг охватывал душу, когда раскрепощенный взгляд улетал в заречные дали.

Нынешний отец Александр, восстановив храм в районном центре, взялся за строительство часовни и в Троицком. Начали с расчистки задичавшей, заросшей местности, валили необхватные старые берёзы. И — главное — установили на месте бывшего алтаря Поклонный Крест. От шоссе на руках. Построили сарай для дров, сторожку. Уже было где чайку попить.

И тогда я узнал, как окончилась жизнь последнего настоятеля храма. Во время службы ворвались в алтарь бесы, чекисты, сорвали с батюшки облачение, вывели, повели. И велели всем плевать на него.

Но никто! Никто не плюнул, а все встали на колени. Отец Александр шел босой, в одном нательном белье и благословлял всех. Уходил на смерть и в безмертие.

И вот, спустились на следующий день к роднику, а... воды в нём нет. Ушла. За батюшкой ушла, как сказала одна старуха. А две листовницы, посаженные священником, называли, повыше — батюшкой, пониже — матушкой.

И в теперешнее время всегда была трудность с водой. Нужно было привозить её с собой, экономить. Посуду вымыть — тоже на реку не пойдёшь: далеко отошло её русло за эти годы. Фляга на сорок литров быстро иссякала.

С отцом Александром мы искали родник. Нет и нет. Но то, что он был, вновь подтверждали многие. Никто из него не пил, но вспоминали воспоми-

нания отцов и дедов. Бывшая здешняя жительница Любовь Трофимовна тоже утверждала: “Внизу, напротив алтаря”.

Прошлой осенью плотник Андрей, возрождающий часовню, копал на указанном месте. Да, в яме стояла вода, ну и что? Родник ли это? Тут такое болото, везде вода. Место низкое, топкое. Грунтовые воды, верховодка. Я стал копать повыше — сухо.

И опять время прошло. А уже часовня, пока без креста, высилась, озяря солнечной желтизной окрестность.

Нынче мы приехали сюда с братом Михаилом, а он взял с собой внука Георгия. Батюшка благословил Михаила выкосить высокие травы вокруг часовни и домика, а я вновь взялся за поиски родника.

Георгий мог выбирать, с кем ему быть, с дедом или со мной. Но у деда была такая сильно ревушая бензокосилка, с такими мерзкими выхлопами, что он пошел со мной, вниз, под обрыв. До этого дед вымазал всего Георгия антикомариными кремами, вдобавок опрыскал дезодорантами, и Георгий шел смело. Идти напрямую, по такой крутизне, мы не решились, пошли в обход.

Пойма реки, то есть место, затапливаемое весной, была уже выкошена, и поваленные травы сладко пахли, возвращая своими запахами детство и отрочество. Ведь тогда сенокос был главным событием каждого лета.

Мы будто сквозь джунгли продирались: болотистое место, крапива выше человека, ольха, ива, осока. Хорошо, я был в сапогах, шел впереди. И Георгий смело лупил палкой крапиву.

— Смелый воин Георгий! — хвалил я. — Крапивы не боишься! Читал, как твой небесный покровитель великомученик Георгий какого змея победил? Закаляйся. Как знать, какие змеи тебе в будущем встретятся. Да и внукам моим. Жаль, нет их. Господи, помоги раскопать родник! Чтoб и они приехали, напились из него. И облились бы, и окрепли бы!

Ну, Господи, благослови! Я стал расширять и углублять прежнюю яму. В ней была вода. Но тут кругом стояла вода. Я наивно надеялся, что взбурлит вдруг под лопатой подземная струя, выходящая на поверхность. Ведь столько я видел изведённых из земли, из скал родников в монастырях, на Афоне. Конечно, кто я по сравнению с монахами, но ведь такую же молитву Иисусову, какую сейчас читаю, читали и они. Да, видимо, не как я, по молитвенней.

Конечно, копать было тяжело, не молоденький уже. Но и усталости не чувствовал. Вокруг летало и гудело крапивное комариное царство. Это для меня было симфонией детства, но для Георгия это была музыка ужаса. Но сильнее хора этих кровопийц слышалась бензокосилка брата.

— Радуйся, Георгий, что тут комары, слепни, оводы, строка, все тут. Значит, мы здесь в чистой атмосфере, комаров же нет в городе.

— А что такое строка? — говорил Георгий, пока ещё защищённый дезодорантами.

— Это кровопийца редчайшая. Маленькая, на осу похожа. Оска такая. Комар вначале ещё погудит- погудит, овод ещё попугает, даже клещ вначале поползает, а строка кусает в то мгновение, в которое на тебя садится. А мошкá! Еще тебя не куснула? Мошка — это мельчайшая дрянь. И в глаза заползает, и в уши. — Я просвещал, скорее, запугивал, Георгия, а сам копал и копал, выворачивал из мутной воды тяжеленные комья речного ила, глины, вырывал корни, выколушывал гнилушки.

— А раньше были комары? — спросил Георгий.

— Ещё бы! Воздух же чище был.

— А дезодоранты были?

— Нет.

— А как? — потрясённо спросил Георгий.

— Да так: когда работаем — некогда замечать, а когда наработаемся, уснём от усталости, и тут хоть кусай, хоть закусай.

Бензокосилка наверху смолкла, и Георгий смотрел на меня вопросительно. Конечно, ему хотелось к своему деду.

— Да он не утерпит, сам сюда придёт, подождём.

Но вскоре вновь послышался рёв мотора. Значит, заправил бачок бензином и опять косит. Косилка выла прямо отчаянно, будто скашивала не только травы, но вообще всю растительность.

— Да, — вспоминал я, — в колхозе брали на покос специального мальчишку, отрока, подростка, это не нынешние фанаты, не тинейджеры, им бы не выдержать. Целый день попробуй отгонять от лошадей этот весь гнус. Их тучи, лезут под живот, грызут, кусают. Вовьётся овод лошади в спину, ударишь по нему, ладонь в крови. Напился. Лошади бесятся. И писали в нарядах пол-трудодня. Знаешь, как назывался труд? “Опахивал мух”. Раз меня лошадь лягнула, я отлетел, но взрослым не сказал — боялся, что завтра не возьмут. Вот как. На работу рвались.

Жарища была такова, что пот с меня лился ручьями. Насекомых уже и не отгонял. Начну с ними бороться, копать перестану. А как же монахи? Выставляли себя на ночь этим кровопийцам.

Георгий начал страдать. Так вскрикивал от укусов, что пора было его пожалеть. Видимо, действие химической защиты кончилось. Но и к деду, к шуму бензокосилки, он не рвался. Да и как он пойдёт один через такие заросли крапивы? А мне хотелось ещё покопать.

— Георгий, не мучайся и на кремы не надейся. Наломай веник, вон ольха, вон берёза, вооружайся и воюй. Это поможет. Как раньше, провожаешь девочку и ветками черёмухи обмахиваешь. Опахиваешь. Эх! — я разогнул спину. — Была жизнь, была, сердце замирало!

Снова и снова вонзался лопатой в заилённое пространство, где-то на дне зачаливал песок и глину и вытаскивал. А Георгий вовсю махал веником, хлопал себя по шее, по спине, по ногам, будто парился. Всех комаров распугал. И их уже не боялся.

Ну, ладно, всё! Напоследок перегородил плотинкой из земли и глины пространство между родником и болотцем. Я рассуждал так: если тут родник, то воды в нём за ночь прибудет. О, дай-то Бог.

Не было сил вновь пробиваться сквозь крапивное пространство, и мы полезли напрямую. Измученный копаньем, я еле полз, хватаясь за сучья, стволы и корни. Георгию-то хоть бы что с его пятёрками по физкультуре. А мои пятёрки отстали от меня в середине прошлого века. В одном месте склона сучок под ногой хрустнул, и я полетел спиной назад под обрыв. И ничего, встал, отдышался и опять покарбался.

Вверху показалось ещё раскалённое, но вдруг отрадно и целительно протянуло ветерком. Брат увидел нас, выключил мотор и крикнул:

— Оглух. Ну, у батюшки и техника — трижды заправлял, работает. Говорю ей: дай отдохнуть, нет, не даёт.

Мы поглядели друг на друга и весело рассмеялись: брат был весь, с ног до головы, облеплен красно-бело-зелёным крошевом скошенных трав и цветов, а я весь грязнущий. То-то в конце уже не замечал укусов, грязь им было не прокусить.

— На солнце сорок, в тени тридцать семь, — сказал брат.

В домике напился чаю из привезённой воды и решили сходить на реку. И опять пробивались через ивняк, крапиву и осоку. Георгий не расставался с веником.

— Ты Георгия всего опрыскал, а его все равно зажирали комары, а как вооружился родной берёзой — и жив, и счастлив. Так и Россия. Надеется, что спасётся всякой химией да заграницей. Нет, ребята, вооружайтесь да от гнуса отмахивайтесь.

На реке никого не было. Георгий весело бегал по мелким горячим заливам, пугал мальков. Мы с братом даже сплавали на ту сторону. Вышли на берег, оглянулись. По течению ухлывали наши следы на воде. Ещё нас удивили ивовые рогульки рыбаков, они вовсю зеленели. Вернулись. Георгий показал нам восхитившую его крепость из песка. На стенах пушки. Роль пушек играли пивные бутылки. Нас такая крепость опечалила.

— Освятит батюшка родник, из него же вода идёт в реку, и реку будет освящать. Такие крепости перестанут строить, — мечтательно говорил я.

— Ну, ты романтик.

После вечерней молитвы, как благословил батюшка, обошли Крестным ходом часовню и домик. Георгий шел впереди со свечой, я с крестом, брат с иконой Божией Матери. Пели по очереди: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!”. Георгий радовался и гордился, что свеча у него не погасла.

Перед сном дедушка вновь опрыскивал любимого внука. А я сразу уснул, как засыпал в детстве. Сразу и без снов.

Да-а, надо ли говорить, что утром шел на место вчерашних раскопок со страхом и надеждой. Пролетели над головой, снижаясь к реке, два аиста. Как раз над двумя листовницами.

Сердце моё билось: что сейчас увижу? А увидел я чистейшую воду в полнёхоньком роднике. Встал перед ним на колени, умылся из него, напился! Родник, милый родник, ты вернулся!

Руками разгрёб запруду и с радостью увидел, как струйка воды потекла из родника. Помчался вверх. Они ещё спали. Георгия я пожалел, а брата растолкал и крикнул шёпотом:

— Родник!

Очень хотелось скорее обрадовать батюшку, позвонить ему. Но мы были вне зоны связи. Придётся терпеть до вечера, обещал приехать. Но это как раз хорошо, решили мы. Радовать так радовать! И целый день занимались родником. Брат наверху делал двухметровый Крест, я прокладывал дорогу к роднику. Прорубался сквозь ивняк, крапиву, валил старые деревья, большие оттаскивал в сторону, маленькими выстилал подходы. Георгий, сегодня осмелевший, бегал от меня к деду и помогал нам. Мне приносил доски, деду подавал инструменты и гвозди. Одну тяжелую доску, метров семи, принесли вместе с братом. Положили её на подстилку из ветвей, получился мостик к роднику. Для него сделали квадратный сруб из досок и напильных брёвнышек. Притащили с реки три ведра песка, высыпали в родник. Вода замутилось, но часа через два снова хрустально светилась. Вкопали чурбаки, сверху приколотили доску, получилась скамья. Захотелось сесть на неё и сидеть, и смотреть на родник.

Еще расчищали пространство. Вокруг родника светлело и веселело. Сегодня вновь жарило, но ничего уже не было страшно — родник спасал. Попьёшь из него, умоешься — и хорошо тебе, и комары отступаются. Принесли кружку, для неё воткнули в землю ивовый прутик.

Торжественно несли Крест. Поставили, утрамбовали вокруг него землю и камни. И вдруг услышали голоса. Это были люди, человек шесть. Женщины, один мужчина. Приехали грести сено, метать стог и нас разглядели. Радость у них была великой.

— Сколько лет здесь косим, и всегда воду с собой берём, — говорили они. — Так ведь и рыбаки даже тоже воду с собой везут, из реки же нельзя пить.

— Ой, женщины, а ведь я вот что скажу, — оживилась старшая из них, — ведь уже год, как тут аисты поселились. Парочка. Неспроста же.

Вечером приехал батюшка. Мы условились ничего ему не говорить. Он хвалил, что кругом выкошено, и дорога к часовне сейчас просторная, а не узкая тропинка.

— Устал, полежу, — сказал он. Прилёг и тут же встал. — Я же вам еды привёз. И воды. Перелейте во флягу. И ехать мне уже надо.

— Батюшка, — попросили мы, — ну хотя бы на реку, хотя бы на полчаса сходим?

Он согласился:

— Да, дойдём. Хоть разуюсь, хоть по воде похожу. Ноги отдохнут. Сегодня три молебна, отпевание, ещё крестил. Ещё с рабочими за кирпичом ездил.

Мы пошли. Он впереди и так быстро, что мы еле попевали.

— Какие молодцы, уже какую дорожку протоптали, — похвалил он.

Внизу я попросил:

— Батюшка, давайте сейчас свернём направо.

— Зачем?

И тут Георгий не выдержал и закричал:

— Сюрприз! Сюрприз!

И батюшка сразу всё понял. Уже и Крест показался среди расчищенного пространства. Батюшка прошел по доске, вначале приложился ко Кресту и зашел:

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим! — Потом перекрестил родник, зачерпнул, напился, умылся. И всё радовался: — Как милостив Господь, как милостив! Стали строить часовню, стали возрождать село, и родник открылся. Именно поэтому.

А назавтра батюшка приехал со всем необходимым для освящения. Привёз и икону Святой Троицы. В домике развёл кадило, и Георгий гордо нёс его впереди. Пели молитвы. Пришли к роднику. Батюшка укрепил икону на Кресте.

— Здесь Троицкое, и родник, конечно, Троицкий.

Гребцы сегодня вновь работали, уже метали второй стог. Они, бросив вилы и грабли, пришли к нам. Почти все крестились.

Служили Водосвятный молебен. С молитвою троекратно погружал батюшка серебряный крест в родник. Потом окропил всех освященной водой, сделав кропило из молодой осоки.

— Подходи под благословение.

Кто не умел, тому батюшка повёртывал ладони, правая сверху, крестил, касался склоненных голов.

— Ну что, — весело спросил он, — вот придут антихристовы времена, сорвут с меня облачение, поведут на расстрел, а вам прикажут на меня плевать. Будете плевать?

— Да вы что, да как это так? — заговорили они. — Да мы разве не люди?

В этот день батюшка долго не уезжал. Мы ещё раз сходили с ним к роднику. Уже с ведром. Зачерпывали из родника, и “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа” батюшка троекратно окатывал нас ледяной водой. И никакая жара не чувствовалась, и никакие комары, даже Георгия, не кусали.

— Ну что? — весело спрашивал батюшка, — жить захотелось? А?

— Захотелось, — отвечали мы.

А когда мы провожали батюшку и подошли к часовне, над нами пролетели два аиста.